

Татяна Рашевски

**СВЯТО
МЕСТО**

Татяна Рашевски

Свято место

«Летний сад»

2019

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6 4

Рашевски Т.

Свято место / Т. Рашевски — «Летний сад», 2019

ISBN 978-5-00039-276-8

Это прекрасная современная проза, написанная легким, ярким и лаконичным языком. Автор умеет оперировать тонко подмеченными деталями, нарисовать героя двумя-тремя штрихами – так, что мы живо видим его как своего давнего знакомого. Лирическая героиня этих рассказов, переезжая с места на место и из страны в страну, тем не менее остается верна себе – она, как стойкий оловянный солдатик, будто бы проходит сквозь действительность (не всегда добрую к ней) и остается собой – терпеливой, ироничной, готовой к трудностям и – что очень важно – незлобивой, то есть умеющей принимать мир таким, какой он есть, никого не виня и ничего для себя не требуя. Как по-настоящему творческий человек, героиня книги, от лица которой идет повествование (думаю, что ее вполне можно почти полностью отождествить с автором) никого не учит жить, не навязывает своего мнения, лишь проходит сквозь пространство и время в поисках своего места и счастья, однако, разумеется, не находит его. Любовь писательницы к миру остается безответной, но все же награда есть – встречи со странными людьми, попадающимися, словно призраки, на ее пути.

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6 4

ISBN 978-5-00039-276-8

© Рашевски Т., 2019

© Летний сад, 2019

Содержание

От издателя	6
Она	7
Арабское платье	9
Свято место	16
Слепой бандурист	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Татьяна Рашевски

Свято место

От издателя

Книга Татьяны Рашевски, издающаяся за счет издательства “Э.РА” (Москва-Тель-Авив) – это прекрасная современная проза, написанная легким, ярким и лаконичным языком. Автор умеет оперировать тонко подмеченными деталями, нарисовать героя двумя-тремя штрихами – так, что мы живо видим его как своего давнего знакомого. Лирическая героиня этих рассказов, переезжая с места на место и из страны в страну, тем не менее остается верна себе – она, как стойкий оловянный солдатик, будто бы проходит сквозь действительность (не всегда добрую к ней) и остается собой – терпеливой, ироничной, готовой к трудностям и – что очень важно – незлобивой, то есть умеющей принимать мир таким, какой он есть, никого не виня и ничего для себя не требуя. Как по-настоящему творческий человек, героиня книги, от лица которой идет повествование (думаю, что ее вполне можно почти полностью отождествить с автором) никого не учит жить, не навязывает своего мнения, лишь проходит сквозь пространство и время в поисках своего места и счастья, однако, разумеется, не находит его. Любовь писательницы к миру остается безответной, но все же награда есть – встречи со странными людьми, попадающимися, словно призраки, на ее пути.

Думаю, эта книга будет интересна всем читателям без исключения.

Э. Ракитская, член Союзов писателей Москвы и Израиля

Она

Вход в здание центральной автостанции на редкость немногочислен. Охранники не создают, как прежде, очередей копошением в чужих сумках – имитация бдительности может обойтись сейчас слишком дорого. Пристально вглядываются во встречную толпу, вычисляя подозрительное на расстоянии.

Что-то изменилось в иерусалимском воздухе. Город, в иврите, как и страна – женского рода. Город – она. Ее необходимо защищать. Среди прохожих много солдат. Солдат здесь любят, им принято оказывать скромные знаки внимания – оплатить проезд в маршрутке, угостить пиццей или фалафелем.

Перед вертушкой туалета:

– У вас есть шекель?

Армейская куртка, ботинки, тяжелый автомат наперевес. Продолжаю рыться в сумке в поисках мелочи:

– Где-то должен быть. Вот, есть два.

– Два машина не примет. Нужен один, вот, возьмите. Нет, мне не нужно, но я видел, что вы ищете.

Впервые в жизни иду по направлению к Старому городу, оглядываясь по сторонам. Всматриваясь в каждое встречное лицо, в каждую позу, чтобы, в случае чего, вовремя среагировать. В ожидании трамвая прислоняюсь к холодному парапету над чернеющим оврагом. Неужели те, что получили нож в спину, вот так же буднично – возвращаясь с работы, учебы, молитвы – стояли на той же остановке? Слышали тот же однократно-гулкий звонок прибывающего трамвая, похожий на стук ложки о подстаканник? Эти люди не приехали в гости, они здесь живут. Каждый день. В городе, слегка ирреальном, напоминающем, скорее, кино-декорации.

Народу вокруг немного. Но кафе еще открыты, работают пиццерии, светятся витрины. Мимо плывут библейские персонажи в шляпах, подпоясанные, сосредоточенные, уткнувшись белыми бородами в грудь. Этакие сказочные дедморозы в черном. На каждом перекрестке – вооруженная девушка в бронезилете. В переулках стоят патрульные машины.

С угла Яффо и Бен-Иегуды долетает “Отель калифорния” на английском. Этот совсем молодой голос принадлежит религиозному старцу с гитарой. Ключковатая борода и полы одежды развеваются по ветру. Возле банка – мини-толпа с детьми, восточной музыкой и танцами.

Старый город уже близко, его ярко освещенная стена подпирает низкое черное небо. В мареве фонарей золотом отливают изгибы трамвайных рельсов, сворачивающих влево, в сторону Шхемских ворот. Они же – Баб-аль-Амуд. Отсюда, и до арабского квартала, кончаются люди и пролегает стерильная пустота почему-то “Национального” парка. Где-то далеко внизу – Геенна.

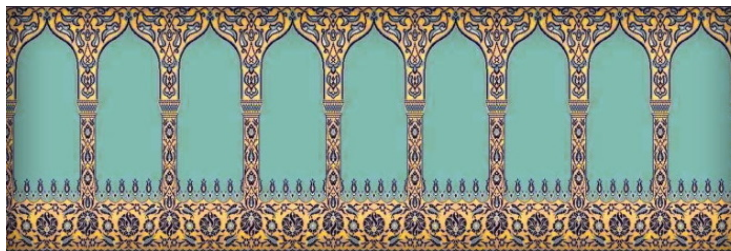
Затем – изгибы арок, скользкие ступени, плачущие тысячелетиями влажные камни, изъеденные стариной. Молитва. Тем же путем – обратно от площади Яффских ворот до ближайшей остановки, куда удав иерусалимского трамвая доверчиво и бесшумно вползет на брюхе, сверкающим серебристым чудом прорезав древнее чрево города.

Из дверей бара “Путин” многократным рефреном несется знакомое: “Ты была моей тайной, зазновой моей...”

Пауза.

И еще раз: “Ты была моей тайной, зазновой моей-ей-ей-ей-ей”!

Арабское платье

Весна в этом году выдалась аномально жаркой. В иные дни доходит до тридцати. Стоя на автобусной остановке, невольно ждешь прибытия любого рейса, чтобы хоть на несколько минут укрыться в спасительной тени его зеленой громады.

Вчера в Иерусалиме взорван еще один автобус. Из его глаз, ушей и ноздрей грязевой лавиной рвутся комья черного дыма, возносясь высоко в небо – в интернет выложили видео. Но сегодня город снова продолжает жить, привычно источая доносимые ветром ароматы терпких специй и горячей хлебной корки.

Двадцать раненых, у двоих состояние критическое. Женщины в старомодных париках и тяжелой длиннополой одежде желают друг другу молиться об их выздоровлении и поздравляют друг друга с наступающим праздником Исхода. Движение ХАМАС одобрило теракт.

Более пятнадцати лет минуло с того дня, когда маршрут “Центральная станция – Яффские ворота – Западная Стена” был проложен мною впервые. Другой, от Центральной станции до Шхемских ворот, затем – сквозь безымянный перевал с многочасовым ожиданием среди пустыни, Вифлеем и, наконец, Хеврон – немногим меньше. Первый открыт для меня и по сей день, и, несмотря на то, что теперь, чтобы добраться до Яффских ворот, достаточно сесть в серебристую стрелу скоростного трамвая, я предпочитаю действовать по старинке, растворяясь в дряхлеющей атмосфере вечности постепенно, стараясь не пропустить по пути ни одного магазина, будь то книги, одежда, товары для дома или даже холодильники. Второй для меня закрыт, и теперь, возможно, уже навсегда.

Впрочем, официально нам, израильтянам, пересекать зеленую черту запрещается давно, и, в зависимости от степени знакомства, мои эпизодические наезды в Палестину вызывали у сограждан если не панику, вроде боязни заразиться какой-нибудь опасной болезнью, то, как минимум, предобморочное состояние: “Самоубийца!” В то, что к предательству родины это не имело отношения и что символический бумажный террорист, в которого учат стрелять на спецподготовке, где-то внутри стал для меня почти реальным, люди в конце концов верили. В то, что у меня есть надежная защита – не верил никто.

Но пришло время, когда я перестала в это верить сама. А теперь почти убеждена, что, будучи белолицей и одетой не по правилам, могу быть легко зарезана в спину в недрах чернеющей хиджабами толпы, где-нибудь на пути от Шхемских ворот к тому, что у нас хрипло зовется “тахана мерказит”, а у них утробно удваивается и звучит – “махатта мерказийя”, с каким бы безошибочным акцентом я ни научилась это выговаривать.

Но тогда у меня была защита. Газовый платок вместо хиджаба, ярко-рыжая челка, длинное цветастое платье – у нас такое не носят. В Палестине тоже. Идеально красивое лицо.

На первом курсе института Арина вышла замуж – как говорили, *неожиданно*. То было время, когда большинство постсоветских людей продолжало страдать топографическим кретинизмом, сквозь щели накренившегося, но до конца не упавшего железного занавеса с трудом ориентируясь в пространстве между Востоком и Западом. У тех и других были *шмотки*, которых у нашего человека не было, и это главное внешнее отличие заставляло два разных мира

сливаться в его сознании в единый и влекущий образ недостижимой Заграницы. Студенты-иностранцы в нашем городе были, как правило, с Востока – медики, инженеры. Он учился в медицинском институте на психиатра.

Вообще, в связи с иностранцем для девушки всегда был определенный риск – погуляет и не женится, уедет, и ничто его здесь не удержит. Некоторые, впрочем, женились. Он стал одним из них. Но настоящей неожиданностью было то, что он оказался при этом идеальным мужем. Тогда как Аринины подруги по счастью через месяц замужества принимались стонать под гнетом запретов и условностей; тогда как в их семьях зрели конфликты, а круг общения стремительно сужался – в их доме во время самых страшных ссор по квартире с резиновым писком летали игрушки малыша, от которых оба защищались диванными подушками. Оставив за женой право оставаться христианкой, а в первую очередь – собой, он дарил ей дорогие украшения, стирал и гладил пеленки, если она приходила с работы уставшей, а по ночам удалялся на кухню и, разложив на коленях дипломат, делал свои институтские задания. Кроме того, он прекрасно говорил и шутил по-русски и высоко ценил русскую литературу, в том числе научную. Без тени пошлости и заигрывания, он стал для ее близких подруг таким же другом, что и она, и нам всегда было с ним интересно. Ее же замужество ничуть не испортило, напротив – в нем она лишь умнела и расцветала. А, умнея, начала понимать, что

Палестина – совсем не та заграница, о которой можно было когда-то мечтать. Но отступать было некуда – росли дети.

– С этого места, и пока ты у нас – на иврите ни слова. А лучше вообще его забудь. На английском, на русском, на каком хочешь – только не иврит. Если хочешь жить.

“Это место” называлось Баб-аль-Амуд, возле которого она назначила мне первую, с момента расставания на сером, мокром от осени железнодорожном перроне нашего города, встречу. Место я искала долго. Руки безжалостно оттягивала сумка с детскими книжками, которые ее мама передала со мной, новорожденной эмигранткой, для своих внуков. Внуки не должны забывать русский язык, им необходимо читать сказки. Первый в жизни мобильник, Sony Ericson, так же безжалостно оттягивал карман рюкзака, топорщась наружу черной антенной с резиновым набалдашником, за который оттуда и вынимался. Но телефонных объяснений подруги я не понимала. Изначально неверный курс сбил меня с толку, и я продолжала блуждать, не покидая пределы еврейского района, то есть, вроде как, среди своих, но свои не имели ни малейшего понятия, что такое Баб-аль-Амуд и где оно находится, и помочь мне, увы, ничем не могли. А может быть, и могли, но тоже боялись заразиться опасной болезнью. Потому что в итоге оказалось, что Баб-аль-Амуд – это и есть Шхемские ворота.

Ворота, которые однажды закрылись.

Тогда же главное было успеть – на какие-то пересадки, какой-то последний автобус в чистом поле, которого после пяти вечера уже не будет. Снова Иерусалим, гранатовый сок, черничное мороженое, магазины с сумками, юбками, платьями – все это успеется потом, на обратном пути. Оно будет сниматься с полок и вешалок, будет меряться, возвращаться на место, а может быть, и покупаться. Белое. В нем я буду принцессой Египта, а как насчет вон того, зеленого? Это уже похоже на что-то из племени индейцев. Черное. Террористка-смертница. Нет, не возьму ничего. Слишком дорого. Извините, в другой раз.

Дома мне первым делом выдали новую одежду – широкое бирюзовое платье в пол, с узорчатым прямоугольником на груди, и красные кожаные тапки с загнутыми вверх носами. Ведь многочисленной родне мужа было заранее известно, что за редкий в этих краях экземпляр здесь ожидается, – и сегодня к нам будут многие заходить, чтобы на тебя посмотреть. Конечно же, все они будут делать вид, что зашли случайно – так что, ты тоже виду не подавай. И пойми, что для них это здесь – событие.

Действительно, нужно было понимать, что Хеврон, город с древнейшей историей, усыпальница Авраама и других библейских Праотцев, первая столица царя Давида – город в себе.

На туриста не рассчитанный. А потому неудивительно, что напугать своим джинсово-кепочным видом прилипших к окнам соседей я успела, еще высаживаясь из такси. Один, тот, что стоял на улице неподалеку от дома, пепельно-серый старик с покрытой бело-красной арафаткой и перехваченной черным обручем головой, так и остался стоять с разинутым от ужаса ртом, покуда мы не скрылись за громадной зеленой входной дверью. Меня же до того впечатлила его экзотичность, что я не смогла удержаться, чтобы не вынуть из сумки фотоаппарат. А что тут такого? – фотографирую дом.

В бирюзовом платье я себе понравилась. Настолько, что выразила полную готовность так в нем и идти на предстоящую вечернюю прогулку, пока мне не объяснили, что оно – домашнее. Это было очень смешно, и все смеялись. Еще смешнее было, когда, прежде чем начать переодеваться, подруга плотно задернула в спальне все шторы. Отогнув край, я не обнаружила на улице ничего подозрительного.

– Вон там, – указала мне она на какие-то едва различимые вдали развалины, – идет стройка. Строители сидят с биноклями и заглядывают в окна. Нам, может, и ничего, а Нияду – достанется. Осмеют на весь город – мол, что за муж такой, раз жена устраивает перед окном стриптиз! Здесь многие жены так запуганы, что месяцами не моются – сами себя боятся увидеть голыми.

Впрочем, осмеять можно кого угодно. Есть тут у нас, например, один осмеянный старый шейх. Взял себе четыре жены, а они на него забили и разошлись по парам. Громкий был скандал. А что – и геи свои у нас тоже есть. Открыто, правда, не признаются – иначе тут же зарежут, но если уж пошли слухи, значит, точно гей. Не знаю, как-то выслеживают.

– А может, для приличия надеть еще и платок?

– Вот этого точно не надо. Гостье, в принципе, можно и без платка. Хватит косынки на шею. Главное, прикрыть ноги, зад и плечи. Одних брюк недостаточно – это будет называться “вышла с голой жопой”. Поверх должно быть какое-то платье. И каблуки без стука. Иначе подумают, специально завлекаешь. Можно, конечно, и платок, но если тебя хоть раз в нем увидят – больше не снимешь. Это будет означать... – она так и не объяснила, что именно это должно означать, но явно подразумевалось что-то очень нехорошее. – И не думай, что тебя здесь никто не знает. Раз прошла по улице – запомнили. Так что, уж лучше голая шея.

Позже, когда у подружки закончится виза и она больше не сможет меня встречать, я постепенно научусь проделывать весь этот длинный и небезопасный путь сама. Светло-русая мохнатая трава, метелки пальм и пышные водопады цветов бугенвиллии вдоль трассы будут сменяться срезами горной породы по обочинам, остроконечными минаретами черных елей и пушистыми соснами. Затем с высоты серпантина внезапно развернется три-Д панорама волнистых холмов и низин с игрушечными поселками вдали. Приехали. Иерусалим.

Изгиб трамвайных путей, желтая стена Старого города. Справа – наводненный людьми черный зев Шхемских ворот. Баб-аль-Амуд. Слева – посеревшие здания с синими ставнями, по балконам и заборам развешены яркие ковры. Плотная, мрачно закутанная платками толпа. Поначалу меня еще встречали в Вифлееме, впоследствии отпала и такая необходимость. “Уэнн фи саярат аль Халиль?” – “Где тут маршрутка на Хеврон?” Переполненный автобус, похожий на советский “пазик”. Улыбчивые арабские парни наперебой кидаются уступить мне место. Ведут себя вполне корректно – наши давно бы уже поинтересовались, где я живу, с кем и какой у меня номер телефона. Интересно, что они обо мне думают, за кого принимают? За чью-то жену, сестру жены, чью-то подругу? Без платка, но одета почти по форме – короткое черное платье поверх брюк. Главное, ни слова на иврите. А лучше его забыть. А еще лучше – закрыть рот и побольше молчать, чтобы не выскочило. Мне нравится тайком рассматривать лица. У них совсем другое, незнакомое, непривычное выражение. В лицах молодых женщин порой

бывает что-то пугающее, потухшее, жесткое. Может быть, это привычка всю жизнь молчать? Я чувствую, как меняется мое собственное лицо.

Друзья и коллеги по работе не перестают за меня тревожиться и предлагают различные варианты замены:

– Ведь туда ходит еврейский автобус, для религиозных! С бронированными стеклами. Поезжай на нем, зачем рисковать?

– Вот тут-то как раз и самый риск, – приходится объяснять. – Не будут же палестинцы взрывать и обстреливать самих себя. К тому же, в еврейский автобус пускают только местных жителей религиозного квартала, у них специальное разрешение, а я кто такая? У нас такого разрешения не имеет даже гид – иностранным туристам на границе с Вифлеемом его меняют на местного. А когда в автобус входит солдат, я обычно показываю русский паспорт.

Другое дело, когда едешь одна. На КПП проверяют документы очень тщательно. Не нашли израильской визы – значит, гражданка. Я так однажды чуть не осталась ночевать на полу этого КПП, прямо под полицейским окошком.

Дело было как раз накануне Судного Дня, когда в Израиле с вечера перестает ходить любой транспорт, даже частный. Улицы абсолютно пусты, и кругом такая тишина, что, кажется, ты внезапно оглох.

– Тебе выходить, Вифлеем! – подсказывают в автобусе.

Выхожу и впрыгиваю обратно:

– Это не Вифлеем! Вифлеем я знаю.

– Это Вифлеем.

– Да нет же, это не Вифлеем, а какой-то тупик.

Тупик оказался официальной границей. Безлюдная местность, жухлые колючки, забор, одноэтажное здание КПП.

– Что собираешься делать в Вифлееме? – хорошо еще, что я догадалась нигде не упомянуть Хеврон.

– Меня ждет в гости моя русская подруга.

– У тебя нет израильской визы.

– У меня израильский паспорт. Вот.

– Покажи загран.

– Я не знала, что он тоже нужен.

– Тогда поезжай домой.

– Туда уже ничего не ходит, Судный день.

– Поезжай в Иерусалим.

– Там мне негде ночевать.

– А в Вифлееме, значит, есть где.

– И в Иерусалиме есть, но до них я тоже ничем не доеду. И они не доедут, время – пять часов. Разве что под Стеной Плача. Все, остаюсь ночевать здесь!

– Как хочешь, только не на этом полу.

Вволю покрячав, но так ничего и не добившись, я снова вышла в открытое поле.

Каким-то чудом мне попался арабский автобус. Водитель, не взяв денег, попутно довез меня до другого такого же безлюдного места в чистом поле и сказал ждать ближайшего на Хеврон. Ближайший прибыл через два с половиной часа. Эти рейсы идут в обход любых КПП, и, к счастью, только *туда*. На обратном пути, когда в арабскую маршрутку входят вооруженные солдаты и проверяют у моих попутчиков разрешение на въезд, я молча протягиваю русский паспорт с вложенным в него израильским документом. Солдаты так же молча кивают. Вернулась живой – оправдана!

Соседям, коллегам по работе и просто знакомым меня представили русской туристкой, приехавшей на заработки в Израиль. Потому что иначе – позор семье. О том, кем я являюсь на самом деле, знала лишь ближайшая родня, коей насчитывалось минимум человек тридцать. Родня мне понравилась. Все майские праздники, что я провела в Хевроне, нас каждый день звали в гости в какой-нибудь новый дом. Поили чаем. Кормили традиционной курицей с рисом – и то, и другое полагалось есть руками. Улыбались, расспрашивали, рассказывали о своем. Смеялись, когда я по незнанию ошибалась, делая что-нибудь против обычаев. Грозилась откормить и радовались, когда я выучивала новую арабскую фразу. Уважительно дивились тому, как скупаю кассеты с “настоящей” арабской музыкой – они и сами-то такое не слушают! Мать мужа пожаловалась, что когда-то, много лет назад, когда она была еще девочкой, израильтяне принудительно выслали семью на территории. Впрочем, предлагали какие-то деньги, но, в надежде вернуться, семья отказалась. Теперь наследники этих земель – ее сыновья.

Однажды, когда Арина, получив визу, приезжала, в свою очередь, в гости, она показывала мне их из окна автобуса: вон там – земли Нияда. Окрестности аэропорта Бен-Гурион. Миллионы долларов. Но строить мы там ничего не можем, потому что не граждане. Израиль не может – потому что частная собственность. Так и стоят ничьи. Продать бы – и уехать в Европу! Ведь Нияду предлагают работу в Париже, но он обязан шесть лет отработать за учебу в России. Только государство вот уже год не выплачивает ему зарплату. Так что, и ехать не на что, все в долгах и в долг живем, братья помогают. Куда-то записывают. Так здесь почти у всех – живем как при коммунизме. Денег ни у кого нет, все друг перед другом в долгах, но все на что-то живут, едят, дома строят. Вернее, этажи – одна семья над другой. Мы вот тоже недавно построили. Влезли в новые долги. Могли бы и снимать, как раньше, квартиру, но родня настояла. Мать пожелала себе отдельную комнату, всю в золоте и шелках, приедешь – покажу. Хорошо, что пока она живет у другого сына – да и вообще, могла бы жить у себя, но ей скучно. А так, если на прожитие – то и я работаю, и у него по вечерам частная практика, в общем, кое-как перебиваемся. У нас очень большие долги за воду. Климат-то здесь хороший, лучше, чем в Израиле, но главное – что тут нет работы и воды. Жители, конечно, злятся на Израиль, мол, дерет за воду бешеные деньги, но это не Израиль, а местная мафия скупает цистерны и перепродает по удешевленной цене.

– А почему бы Нияду и правда не продать земли?

– Зарежут. Свои. Как предателя.

– А если тайно?

– Тайно не получится. Они все равно как-то пронюхивают. Кто попытался тайно – всех давно зарезали. Один даже успел с женой и детьми сесть в самолет. Так вырезали всю оставшуюся семью – родителей, сестер. Вот и понимай теперь, чья это собственность.

И снова вспоминаю свой первый визит. Раннее утро. Кофе, белый сыр лабана, политый оливковым маслом и посыпанный тимьяном. Вместо вилка – палочки, чтобы ими его прихватывать. Уходим на работу пешком – Арина работает парикмахером в салоне. Вдвоем с подругой идти всегда лучше, чем одной. Ходить по улицам одной девушке вообще неприлично, хотя для работы делается исключение. Если мужа нет дома, в магазин за курицей или за сигаретами – боже упаси! – принято посылать детей. Курить, как ни странно, позволено, но исключительно в женском обществе.

Центр города. Густая неторопливая толпа в джилъбабах, никабах и чадрах мерно течет по узким улицам вдоль рынка – традиционная одежда, сладости, пластмассовые тазы и домашняя утварь, самодельные ковры, улыбающиеся шерстяные барашки и верблюды. Дети хватают матерей за подол: “Смотри, смотри, русские пошли!” Порой навстречу движется груда одежды без лица. За поворотом – свалки битого бетона чередуются с витринами модных магазинов. Полуголые манекены женского пола демонстрируют сверкающие развратные наряды.

- Для кого это все?! – спрашиваю.
- Для мужей.

Хозяину парикмахерской, у которого “в теле четырнадцать израильских пуль”, я понравилась. И он сразу предложил мне хорошего местного жениха: “наши мужчины любят русских жен”. Но главной новостью было то, что сегодня в одиннадцать, то есть уже через полчаса, начнут стрелять, вон с той горы. Поэтому держитесь подальше от окон.

- Кто будет стрелять?
- Евреи.
- Почему?

– Потому что в одиннадцать на главной улице – на нее выходят окна салона – должна состояться антиизраильская демонстрация. Евреи предупредили, что если она начнется, они откроют огонь. Но демонстранты все равно пойдут.

Ровно в одиннадцать с улицы начали доноситься отдельные крики и нарастающий шум толпы. В тот же момент упруго просвистела очередь и смолкла. Провыла сирена скорой помощи. Уносили раненых. Стоя на стуле у стены возле самого окна, я искоса пыталась разглядеть, что происходит. Через двадцать минут все кончилось.

– Во всем этом конфликте, – говорила Арина, – мне больше всего жалко детей. И тех, и других. Ваш Дельфинариум, или то, что показывают у нас по местному каналу – входит в дом израильский солдат и в упор расстреливает их, маленьких, спящих...

- А снимает кто? – спрашиваю.

Подруга всерьез задумалась. Видно было, что ее осенило.

Зато историю с терактом на школьной дискотеке в Тель-Авивском Дельфинариуме мне довелось услышать чуть ли не из первых уст. Ее мне рассказал сам Нияд. На прием к нему однажды пришла старая женщина. Она вот уже много месяцев не могла успокоиться и все время плакала. Она не могла понять, почему *ее сын это сделал*. Может быть, психиатр поможет ей как-нибудь разобраться, что-то объяснит. Чего ему не хватало? Свадьба в полном разгаре, за столом триста человек гостей, нарядная невеста ждет его. Вдруг, посреди торжества, жених объявляет гостям, что должен отлучиться на час. Но, может быть, и не вернется. Ушел и взорвался. Это был Дель-финариум. Почему?

Нияд прописал ей таблетки.

А потом меня долго не было в стране. Подруга с мужем тоже на время покинули Палестину – Нияда отправили на стажировку в Париж, она же время от времени его навещала, но уже из России – в день, когда он получал в Тель-Авиве французскую визу, палестинцы взорвали в Израиле очередной автобус. Много жертв. Брат помог срочно собрать вещи и вызвать такси. Через час муж и жена, едва встретившись, уже разъезжались в разные стороны. В считанные минуты после чего израильтяне перекрыли границу. Попрощаться с родными Нияд не успел.

В России Арина родила третьего ребенка. Дочь. И вот, казалось бы, счастье совсем близко. Долгожданный Париж! Еще немного – и можно будет там остаться. Но по окончании стажировки Нияда снова потянуло домой.

Арину с дочерью через иорданско-израильскую границу не пропустили. И покуда Нияд, не успевая зарабатывать, нанимал бесконечных адвокатов, она терпеливо сидела в Иордании на иждивении одной из его сестер, в ожидании разрешения. Однажды, не выдержав, даже вернулась – вся исхудавшая и покрытая нервными нарывами – домой в Россию. Затем снова летела в Иорданию и снова ждала разрешения. Получила она его только через год.

За время ее отсутствия арабская родня успела от нее отречься и упорно настаивала на новой женитьбе Нияда. Он не хотел об этом и слышать. Начались конфликты. То семья обвиняла его, что он стал слишком русским, то – что слишком европейцем. Когда ее наконец пустили, все повели себя как ни в чем не бывало. Но Арина запомнила. И начала отвоевывать личную территорию. Теперь ей больше не приходилось в свой выходной с утра до вечера каждые десять минут открывать дверь и принимать нескончаемых гостей – “а если еще и не работать, то такое будет каждый день!” Открыла свой салон. Наняла помощницу – молодая девушка из очень богатой и знатной семьи готова была трудиться за самые смешные гроши, лишь бы не сидеть дома, лишь бы прийти куда-нибудь, где можно снять хиджаб, накраситься, походить в джинсах, поговорить с русскими подругами. Ее очень сместило русское слово “жопа”, она мечтала о жизни в России и о русском муже.

– Жалко ее, – говорила Арина. – Никуда она не уедет. Никто и не отпустит. Выдадут замуж, сядет на свой рис – так здесь и погибнет.

Теперь, когда не сложилось с Европой, стала обсуждаться возможность переезда хотя бы в христианский Вифлеем. Но обсуждала ее только Арина – мужу постоянно что-то мешало. Ему становилось все труднее сдвинуться с места. Боялся оставить мать.

После длительного перерыва мы снова встретились на их территории. Кудри Нияда приобрели оттенок червленого серебра, что довольно странно сочеталось с его вполне еще молодым лицом. Просто казалось, что он очень устал. Как обычно, я везла из Израиля вино – ведь в Хевроне оно не продается. Кому нужно – тайком везут из Вифлеема. Пили, как всегда, ночью, втайне от детей, чтобы где-нибудь не проговорились. Пустую бутылку запрятали поглубже в мусорный мешок, до утра. Меня принимали все так же дружески, но в семье стало что-то происходить. После каждого посещения родни Нияд приходил мрачный и озвучивал жене новые претензии. – Почему не поздоровалась с матерью. – Я поздоровалась. – Не поцеловала ей руку. – Она очень далеко сидела. Как мне было к ней пробираться по коленям?

Я вернулась домой.

Через две недели позвонила Арина. По телефону было слышно, что нее заложен нос. Она интересовалась, может ли другой человек вывезти из Израиля ребенка, который вписан в ее паспорт. Мальчишки уже почти взрослые, они справятся, а дочку им на съедение я не отдам. Мне только нужно время, чтобы продать салон. Салон, в котором она вот уже три дня ночует вместе с дочерью на чемоданах. Через год ничего не подозревающий Нияд проводил ее и дочь до Иорданской границы. Она ехала в гости к маме.

Свято место

Сумма в тридцать две тысячи долларов, скопленная титаническими усилиями за пять лет жизни в стране, давно мучила Толика. Он за нее боялся, лелеял ее и всячески старался приумножить. Работая на тяжелых работах в несколько смен, ютился по съемным углам пыльных коммуналок – роскошь отдельной комнаты была ему неведома. К скромному питанию Толик был приучен еще до эмиграции: картошка, огурцы-помидоры, по праздникам – селедка. Но без праздников можно и обойтись. А лучше всего, конечно, работать там, где бесплатно кормят. Дома можно уж как-нибудь и перетерпеть. С одеждой вообще без проблем – на углу, за «резкой металла», – склад секонд-хэнда, где все по шекелю – двух треников на полгода вполне достаточно. Звонить родственникам на Украину – маме, бабушке? Как ни странно, но и маму, и бабушку Толик любил. Однако даже ради них не отваживался испортить красоту суммы. Он был эстет. Ведь тридцать две тысячи

без одного шекеля девятнадцати агорот – уже не тридцать две! Тем более если говорить о долларах.

Хозяином в четырехкомнатной квартире, где Толик в этот раз снял отгороженную шкафом от прихожей кровать, был Паша, не имевший даже гражданства и находившийся в стране в затыжном статусе гостя своей мамы-пенсионерки, которая, к слову сказать, едва унесла от такого гостя ноги, но об этом чуть позже. В силу некоторых обстоятельств, мама Паши была последним поколением в семье, кому еще полагались какие-то социальные няшки в виде льгот и пособий. Детям же государство сказала – так и быть, мы вас не гоним, чувствуйте как дома, но не забывайте, что вы в гостях. В том смысле, что после улаживания некоторых формальностей вы сможете даже легально работать – ну, понятно, там, где вас еще возьмут, – но на большее раньше чем через пять лет не рассчитывайте. Так оно сказала Пашиной сестре, и та безропотно схватилась за швабру, а через несколько месяцев – и самому Паше, который сразу решил, что опыт спекуляции турецкими куртками на Лужниковском рынке покажется Израилю бесценным. Но Израилю так не показалось – тем более что для элементарной работы продавцом нужно было как минимум знать язык. Язык учиться не хотел, и это было абсолютной наглостью со стороны государства, ведь деньги нужны прямо сейчас, а язык – когда еще выучишь! А на совсем уж пыльные работы, вроде метлы или стройки, Паше идти не хотелось. Не для того он был создан. И Паше, да не одному, а с женой, ничего не оставалось, как, стиснув зубы, мертвым грузом повиснуть на шее у двух немолодых женщин.

Ясно, что долго так продолжаться не могло, и в одно прекрасное утро супружеская пара проснулась наедине с неоплаченной четырехкомнатной квартирой. Как быть, что делать? Недолго думая, Паша расклеил по городу объявления. Разумеется, на русском.

И почти сразу стал хозяином. Вернее, посредником между настоящим хозяином и эмигрантами-одиночками, которых он начал к себе подселять. Толик оказался для него сущей находкой – почти что старожил, он довольно хорошо говорил на иврите и был удобным бесплатным переводчиком на время переговоров с настоящим хозяином. Цену – и Толику, и другим квартирантам – Паша назначал с таким расчетом, чтобы не платить самому и еще оставалось на внесение своей лепты в семейный бюджет – бывшая московская профессия жены оказалась весьма востребованной в ночном Тель-Авиве, но одной зарплаты на двоих, естественно, не хватало.

Их комната единственная в квартире запиралась на ключ.

Дела Толика тем временем уверенно шли в гору. Долларовая сумма достигла отметки в тридцать три тысячи. И это было серьезным поводом задуматься. Стоило ли вообще держать на счету такие деньги, если банк оценивает услуги по их размещению столь необоснованно дорого? Десять шекелей в месяц, чистый грабеж! Позволить десяти шекелям загубить такую красоту? Ну уж нет. И Толик, выпалив что-то обидное в лицо банковской служащей и подписав нужные бумаги для закрытия счета, уложил снятую и обменную на доллары наличку в застегивающийся на молнию карман новых шорт, купленных специально для этой цели.

Прошел месяц, другой, близилось лето. В салоне, где за шкафом стояла Толикова кровать, кондиционера не было. Спать в шортах становилось жарко, приходилось класть их на ночь под матрас. Но как бы Толик ни хранил страшную тайну шорт, она едва ощутимым облаком расплзлась по всей коммуналке.

Сосед Жора из комнаты с кондиционером уже давно проявлял неподдельный интерес к Толиковым шортам. В стране Жора находился всего несколько месяцев, и пока что сидел на эмигрантском пособии, но надо было думать и о будущем. За спиной у Жоры было какое-то туманное и, видимо, очень увлекательное ташкентское прошлое. Что-то, связанное с бизнесом, о сути которого он никогда не распространялся. Было известно лишь, что последние два года перед эмиграцией он тихо отсиживался где-то под Калугой, ухаживая за старой больной теткой. Попав в Израиль, Жора мгновенно оценил ситуацию и пришел к тем же выводам, что и Паша. Язык не выучить, нормальной работы нет, а мести улицы и месить раствор он не будет. А красиво жить уже тоже хотелось – ездить в Тель-Авив, покупать блядей и перстни с печатками. Причем перстни доставляли куда больше удовольствия – у этих блядей как-то все слишком официально и стерильно – десять минут моется, еще столько же красится, и – здесь ее не трогай, помаду размажешь, и только попробуй не предохраниться – выведут с охраной и денег не вернут, – а в дверь уже стучит следующий.

И заходил Жора кругами вокруг Толика, долго и умно разговаривая, давая советы, набиваясь в друзья.

– Давай, – предлагал ему, – уедем вместе, на Украину. Твои деньги, мои мозги, прибыль – пополам. Ведь ты все равно никогда не сумеешь эти деньги правильно применить.

Но недоверчивый Толик только хмурился. И лишь сильнее стал мучить его страх за любимые шорты и боязнь оставить их без присмотра, хотя бы на время принятия душа.

Видя такие метания, Паша – тот, что был вместо хозяина, решил пойти Толику навстречу, и предложил свои услуги:

– А держи-ка ты свои деньги у меня – ведь моя комната запирается на ключ!

* * *

Удивительно то, что в первые две недели больше ничего не происходило. Жизнь шла своим чередом – так, как, по представлениям Толика, и должна была идти. Толик впервые за долгое время спокойно уходил на работу и спокойно с нее возвращался. До зарплаты оставалось недели две или три, но, чтобы жить, деньги Толику были почти не нужны. Однако когда это должно было случиться, и такой день настал. Лишь сквозняк хлопал незапертой дверью опустевшей Пашиной комнаты. На голом двуспальном матрасе распластался забытый розовый банный халатик Пашиной жены.

Толик решил покончить самоубийством.

Немалых сил стоило тогда Жоре – то вовремя вытаскивать Толика из петли, то, в качестве моральной поддержки, ходить вместе с ним в полицейские участки, подавать заявления, а кроме того – ночами просиживать на кухне за разговорами, проводя воспитательную работу.

– Ты этим деньгам подчинил всю свою жизнь, – объяснял умный Жора, намазывая бутерброд, – и за это наказан. Мало того что ты сам все это время жил как собака – ты забыл даже о самых близких! Почему за все пять лет ты ни разу не помог деньгами маме с бабушкой, и даже ни разу не написал им и не позвонил?

Толик виновато кивал, внимая каждому Жориному слову.

– А ведь я предлагал тебе объединиться, но ты меня тогда не послушал. Но я не в обиде, дело прошлое. Теперь надо думать, как быть дальше. Я считаю, что тебе нужно, в первую очередь, измениться. Первое, что ты должен сделать – это позвонить родным. Следующий шаг – с ближайшей зарплаты послать им денег. Затем тебе нужно научиться заботиться о себе – купи приличные штаны, начни нормально питаться.

Толик замороженным взглядом глядел на Жору и со всем соглашался. Но вдруг выражение его лица изменилось. Толик вспомнил, что через два дня нужно оплачивать жилье, что зарплата еще нескоро, а денег в кармане – ноль.

– Об этом не волнуйся, – успокоил его Жора. – Я оплачу твою долю. Но – с одним условием. Готов? Готов. Я буду здесь хозяином. Вместо Паши.

Слепой бандурист Крымская баллада

И кому пришла в голову бредовая идея добираться на электричках? Дни в августе в нашей степи еще теплые, порой даже жаркие, трава на лугах выжжена и вытоптана, как рваная циновка, но ночи стали по-осеннему холодными, пахнут мокрым сеном, на скользкие скамейки вместе с тусклым светом оседает роса. От полотна к перрону поднимаются пары с привкусом лыжных ботинок – запахом дальней дороги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.